

Пространственно-коммуникативный фактор государственности в переходные периоды истории России: методология исследования

При изучении русской истории периода подготовки и проведения системных реформ, на наш взгляд, помимо многообразия объективных факторов исторического процесса и особенностей российской модернизации необходим учет такого малоизученного аспекта, каким является наличие исторически сложившегося в России водораздела между столицей и провинцией и тех каналов взаимосвязи между ними, степень эффективности которых в конечном счете определяла успешность продвижения реформ на местах. При наличии множества конкретно-исторических причин и предпосылок той или иной реформы или революции в России фактор разделения страны на столицу и провинцию мы относим к постоянно действующему, влияющему на темпы и успешность модернизации.

Понятие «центр» понимается нами как место сосредоточения какой-либо деятельности, органов управления, имеющего административное, культурное и т.п. значение для страны. Применительно к истории российской государственности понятие «центр» трактуется прежде всего как бюрократическая столица государства.

В этой связи термин «периферия» понимается нами как местность, внешняя по отношению к центру. Понятие же «периферия политики» рассматривается нами как субъект воздействия со стороны центральных органов управления. При этом мы учитываем, что периферия далеко не всегда слепо подчиняется центру, в свою очередь, стремясь к самодостаточности. Данное стремление могло принимать организационные формы, а могло быть неосознанным, инстинктивным, особенно на уровне общественных настроений, что особенно выпукло просматривается в переходные периоды, такие как реформы 1860–1870-х гг. или период «думской монархии», когда растет поведенческая активность и повышается интерес к политике в целом у большинства населения.

Использование термина «переходный процесс» методологически оправдано применительно к этапам истории российской государственности при условии его расширительного толкования как критического состояния локализованных общественных систем, в котором происхо-

* © Карнишина Н.Г., 2011

дят существенные и устойчивые изменения, в том числе и их пространственно – временных характеристик.

Формы коммуникации между центром и периферией понимаются нами как исторически сложившиеся каналы взаимодействия столицы и провинции, которые оказывают определяющее воздействие на формирование общественного мнения, находящегося за пределами индивидуальных предпочтений и представлений социальных групп. Исследование взаимодействия власти и общества на уровне «центр – периферия» открывает, на наш взгляд, новые возможности именно в плане сравнительного анализа общественной среды, включая общественные настроения, политические предпочтения представителей разных сословий и устойчивых профессиональных групп.

В России условия для укрепления сплоченных профессиональных групп были созданы в период реформ второй половины XIX в. В первую очередь этот процесс наглядно проявился в среде бюрократии, особенно высшего и среднего звена. Важнейшими элементами самоопределения профессионалов стали: высшее образование, групповые интересы, профессиональные объединения, сотрудничество с периодическими изданиями. Выделение в чиновничьей среде группы «просвещенных бюрократов» явилось закономерным этапом в этом процессе. В результате реформы 1861 г. по отмене крепостного права возникли новые общественные отношения, произошло пробуждение общественного сознания, что явилось толчком в развитии страны. При этом необходимо учитывать, что экономическая и политическая незрелость общества перед лицом радикальных перемен порождала подчас кризисы развития, что характерно именно для российской провинции.

На наш взгляд, признание многофакторности российского общественно-политического процесса при установлении жесткой прямой взаимосвязи между содержанием и своеобразием реформ и волевыми усилиями государственной власти дает возможность исследовать пути продвижения реформ на места и те факторы, которые объективно и субъективно воздействовали на их успешность. Включение в исследование пространственно-коммуникативного аспекта предполагает анализ содержания и эффективности воздействия на общество информационных потоков по периметру «центр – периферия» и путей взаимосвязи столицы и провинции.

Пространственно-территориальный подход к исследованию власти и политики предполагает также изучение пространственных форм уже не просто как поля размещения социальных и политических процессов, а с более функциональной стороны, т.е. как нечто, формирующее эти процессы, в которых осуществляются политические процедуры, имеющие конкретное, чаще всего заданное, пространственное измерение. Сама структура политического пространства, не совпадающая с геометрией

географического пространства, так или иначе формирует центр политического влияния, варьирующегося не только периферийно, но во времени и в политической среде.

При анализе пространства политики пореформенной России мы исходим из понимания понятия «провинция» как многоуровневой целостности, подразумевая под «провинциальным» не оценочную характеристику (в сравнении со «столичным»), а то, что относится не к столицам. Многоуровневая природа «провинции» предполагает учет многообразия региональных особенностей как относительно устойчивых черт, присущих части территории страны, и локальных черт, т.е. свойственных данной местности, но не выходящих за ее пределы.

Неоднородность российской провинции строится и на степени территориальной приближенности к столицам (Петербургу и Москве) как источникам политических, социальных и культурных новаций. В этом плане различают «ближнюю провинцию» и «отдаленную», «провинцию третьей ступени». Как локальный вариант состояния «центра-периферии» в социокультурном плане выделяют «городскую», «негородскую» (полугородские формы пригородов) и «сельскую» (традиционную) провинцию [1].

На наш взгляд, на характер моделей провинции влияли: специфика колонизации той или иной территории, ее пограничное положение, конфессиональные, этнические особенности, степень удаленности от бюрократического центра, демографическая ситуация, сословные характеристики, личности губернаторов, архиепископов.

В свою очередь, признание многофакторности российского общественно-политического процесса (особенно при изучении таких исторически значимых вех, как отмена крепостного права, земская, судебная реформы, принятие Манифеста 17 октября 1905 г.), при установлении жесткой прямой взаимосвязи между содержанием и своеобразием реформ и волевыми усилиями государственной власти, дает возможность исследовать пути продвижения реформ на места и те факторы, которые объективно и субъективно воздействовали на их успешность. Включение в исследование историко-коммуникативного аспекта предполагает анализ содержания и эффективности воздействия на общество информационных потоков по периметру «центр – периферия» и путей взаимосвязи столицы и провинции.

Применительно к истории России XIX – начала XX вв. можно говорить о следующих коммуникационных путях взаимодействия центра и периферии: бюрократический (деловая переписка, ревизии Сената, официальные периодические издания, деловые и частные поездки сановников); конфессиональный (иерархическая структура Русской православной церкви и ее делопроизводство, проповедь, паломничество, духовная печать, поездки архиереев по обозрению епархии). Большую роль в

информационно-коммуникативном воздействии имела периодическая печать, которая на протяжении второй половины XIX в. наращивала свое влияние и в столице, и в провинции. В начале XX в. в городах нарастало значение телеграфа и телефона.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают устные формы передачи информации, доминирующее положение среди которых занимали социальные слухи. Слухи выполняли функции адаптации, осмысления обществом новаций, попыток установления контроля над угрожающими изменениями реальности, ориентирования и стандартизации коллективного поведения. Социальный слухи — это вневременной, всепроникающий механизм, оказывающий существенное воздействие на социальные взаимодействия. Будучи неотъемлемым элементом в структуре неформальной коммуникации, социальные слухи дополняли, а иногда и замещали официальные источники информации.

Мы рассматриваем социальные слухи и в информационном, и в коммуникативном плане, считая, что столь широкое распространение их в политическом пространстве России было связано не только с переходным состоянием развития общества, но и с устойчивыми характеристиками информационного поля страны в целом.

Анализируя степень интереса к тем или иным слухам в социальной среде, особенно на сельском (традиционном) уровне периферии политики, мы выделяем следующие факторы возникновения интереса к слуху: нехватка информации по какой-либо проблеме; степень значимости этой проблемы для индивида и социальной группы в целом; уровень тревожности общества; степень достоверности слуха; уровень подтверждения им ожиданий. Помимо показателей параметров социальной среды на уровень распространенности слухов влияли информационные и коммуникативные возможности прессы, в данном случае: характер влияния печати, уровень замалчивания тех или иных общественно значимых событий; распространенные способы политической борьбы, включающие подчас преднамеренность в распространении слухов, неискренность политики вплоть до сознательного искажения информации.

Устные формы передачи информации преобладали в крестьянской среде, что подтверждает вывод о зависимости средств коммуникации от характеристик и предпочтений социальных групп. Сословные характеристики в этой связи сохраняют свою значимость в силу их влияния на место человека в социальной структуре и влияют на открытость политической информации при учете наличия у представителя любого сословия собственных критериев отбора значимой для него информации. От социальных характеристик, в свою очередь, зависит степень доступа представителя той или иной группы населения к социальному потоку информации, связанной с политикой. Таким образом, политическая

информация находится на пересечении индивидуальных целей граждан и источника информации, обусловленного средой.

Применительно к изучению переходных периодов в истории России учет наличия разноразмерности политического пространства ставит на первый план анализ направленности и эффективности информационно-коммуникативного воздействия из центра на периферию.

Основу пространственно-территориального подхода, на наш взгляд, составляет понятие «политическая периферия» и, как следствие, отношения центра политического пространства и периферии. Термин «периферия» или близкое ему по смысловому содержанию, более распространенное в нашей историографии, понятие «провинция» понимается нами как вся территория государства, за исключением столиц. При этом, проблематика «центр-периферия» выходит за рамки исследования лишь феномена исторического пространства политики, включая в себя аспекты иерархических, ролевых, функциональных, информационных характеристик, неизбежных при анализе взаимодействующих объектов.

Англо-американская традиция при определении термина «периферия» исходит из противопоставления ей центра как носителя потребителю институтов власти (экономической, правительственной, политической, военной) и создателя культурных символов [2]. Провинция расценивается как «место действия» центральной власти, а не как равноправный участник общественно-политического процесса. При этом, периферия рассматривается как многообразное явление и различается по степени периферийности. В данном случае авторы придают гипертрофированное значение роли политического центра, иницирующего все новое, без учета эффекта обратной связи и ответного воздействия со стороны периферии, усиливая значение ее «вторичности». На наш взгляд, диалог со столицами, оживившийся под воздействием реформ 1860–1870-х гг., строился именно на информационно-культурном поле.

В противовес трактовке периферии как «застывшей» хранилище традиционной культуры, враждебно настроенной к столице и ее влиянию, мы рассматриваем русскую провинцию второй половины XIX в. как особое пространство, чутко реагирующее на «новые веяния эпохи». Учет наличия дихотомии «центр-периферия» позволяет изучать динамику массовых политических представлений и настроений, особенно в контексте модернизационного процесса, без отрыва проведения жесткой грани между традиционным и современным обществом, что всегда представляло определенную сложность при изучении реформ в России как переходного политического процесса.

Учет волевой сферы коммуникативного воздействия с признанием наличия дистанции между его субъектом и объектом позволяет значительно расширить методологически возможности исследования именно

пространственных и временных характеристик политического процесса. Основу в данном случае составляет традиционное мировоззрение, опирающееся на культурное оформление элементов архаического мышления, эмоциональное восприятие действительности. Эмоциональное восприятие обыденной жизни, будучи субъективным по своей природе, перерастает в осознание интересов и своего места в цепи происходящих событий. Генезис массового сознания от обыденных представлений до сложившегося общественного мнения является сложным процессом трансформации массового сознания, ускоряющегося в период системных реформ. Взаимосвязь обыденного и общественного уровней сознания просматривается в категориях «настроения», «симпатии», «слухи». Социальные слухи в России всегда являлись отражением интерпретации событий тем или иным сословием.

Анализ реакции провинции на «вызовы времени» позволяет, на наш взгляд, расширить исследовательские рамки изучения предпосылок, характера и последствий реформ и отойти от рассмотрения этой проблемы на уровне или только политической элиты, сконцентрированной в столицах (бывшей столице — Москве и бюрократической столице — Петербурге), или оперирования широкой парной категорией «власть — общество».

Примечания

¹ Афиани В.Ю. Мир русской провинциальной культуры // Русская провинциальная культура XVIII—XX вв. М., 1993. С. 15—22; Каган М.С. Проблемы провинциальной культуры // Мифы провинциальной культуры. Самара, 1992. С. 70—71.

² Social justice and theory. L., 1973. P.11; Olsen M. Political powerlessness as reality // Theories of alienation. Leiden, 1976.